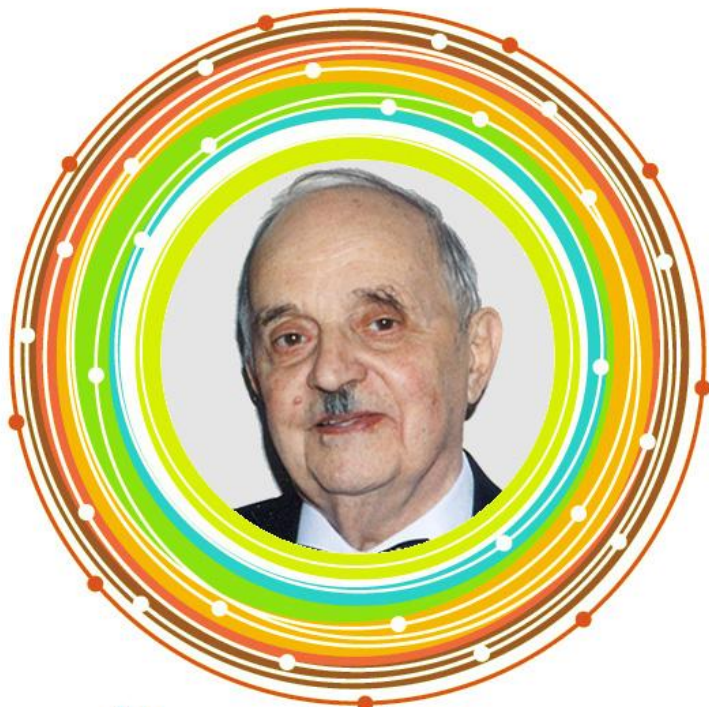

Волшебное кольцо сказок Юрия Магалифа

Магалиф, Юрий Михайлович. **Сказки** [Приключения Жакони; Бибишка – Славный Дружок; Кот Котькин; Типтик, или Приключения одного мальчика, великолепной Бабушки и говорящего Ворона; Успех-трава] / ил. Л. Лазаревой. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 296 с., цв. ил.

Магалиф, Юрий Михайлович. **Волшебный рожок, или Приключения Городовичка:** повесть-сказка / ил. А. Таирова, Л. Трещевой. – Новосибирск:

Новосибирское книжное изд-во; Фонд 100-летия Новосибирска, 1993. – 80 с., цв. ил.

Магалиф Юрий Михайлович. **Приключения и подвиги генерала Картошкина:** сказки / ил. Л. Лазаревой. – Новосибирск: Детская литература, 1996. – 404 с., ил.

Магалиф, Юрий Михайлович. **Планета Жаконя** [Приключения Жакони; Деревянная кошка; Интересный Мальчик; Мой любимый Бука]: сказки / ил. Л. Лазаревой. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2001. – 160 с., ил.

В июле 2018 года мы будем отмечать столетие со дня рождения самого замечательного новосибирского сказочника, а также поэта и новеллиста, художника и артиста **Юрия Михайловича Магалифа**.

Писатель прожил непростую и не короткую жизнь, написал много книг, а еще большее их количество мастерски прочел вслух как профессиональный артист-чтец. В далекие теперь послевоенные годы многим и многим слушателям он в буквальном смысле открыл поэзию Сергея Есенина и Бориса Пастернака – ведь их книги тогда не переиздавались, а иные и вовсе были изъяты из библиотек и запрещены.

Судьба самого Магалифа была сложной и символичной. Он родился в семье врача, в Петрограде 16 или 17 июля - в день и даже час, когда в Екатеринбурге был расстрелян последний русский царь, его семья и ближайшее окружение. В жилах Юрия Михайловича текла польская, цыганская и еврейская кровь. Его дед по матери, польский граф Александр Миткевич, без памяти влюбившись, женился на цыганской певице, до того покорившей сердца знаменитых русских поэтов Плещеева и Апхутина, что, вероятно, и предопределило артистическую деятельность будущего сказочника.

В детские годы Юрий Магалиф встречался с Борисом Житковым и Самуилом Маршаком, с которым его отец состоял в дальнем родстве; в ранней юности, после ареста матери, к тому времени уже разошедшейся с мужем, воспитывался в семье племянницы автора «Детства Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского. Она-то, Мария Николаевна Слободзинская, и закрепила заложенную в мальчишеском сердце матерью любовь к литературе и петербургской культуре. Сама же Софья Александровна Миткевич разделила судьбу многих и многих дворян в послереволюционной России. Из ссылки она не вернулась.

18-летним юношей Юрий Магалиф поступил в театральный институт, а в 1941 году также был арестован и, как неблагонадежный, отправлен в лагерь на Колыму. Как вспоминал Юрий Михайлович, поезд шел от Ленинграда до Новосибирска три недели, в пути попал под бомбежку, был обстрелян фашистами. До Колымы Магалиф не доехал – был оставлен в Новосибирске на строительстве оборонных заводов. По окончании срока, благодаря счастливому стечению обстоятельств, Магалиф смог остаться в крупном городе Новосибирске, где в 1946 году устроился работать в филармонии, здесь познакомился с концертмейстером И.М. Николаевой, с которой и прожил почти полвека, до самой ее смерти.

«Закат печальный...» яркого человека, артиста и поэта, был освещен не только признательностью читателей и увенчанием его заслуг литературной премией, но и дружбой с великим композитором уходящего столетия Александрой Николаевной Пахмутовой и ее мужем, поэтом Николаем Николаевичем

Добронравовым, а главное – прощальной улыбкой разделенной любви, блеснувшей Юрию Михайловичу среди бед и болезней.

В отрочестве мне посчастливилось пару раз встречаться с Юрием Михайловичем, я запомнил его облик, голос и некоторые литературные советы. Но, увы, ничего больше из нашего короткого общения я передать не могу. Тем из вас, кто захочет подробнее познакомиться с биографией писателя, советую сходить по этой ссылке: <http://www.cbsmakarenko.ru/redact-exh/86272-mag30.html>, где републикована книга о Магалифе, написанная Юрием Мостковым сразу после смерти Юрия Михайловича, скончавшегося от болезни сердца в 2001 году.

Там же автор анализирует первые три сказки, а также его стихи и «взрослую» прозу.

Кроме того, хочу предложить вашему вниманию несколько материалов, опубликованных и републикованных на официальном сайте Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького, посвященных личности: <http://maxlib.ru/page.php?article=300>, живописи: <http://maxlib.ru/page.php?article=301> и сказкам Юрия Магалифа: <http://maxlib.ru/page.php?article=299>.

Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького

■ Библиотека ■ Портреты писателей ■ Новосибирские писатели и художники ■ Магалиф Юрий Михайлович

Магалиф Юрий Михайлович

1918, 16 июля, Петроград - 2001, 28 января, Новосибирск

В нём одном соединились сказочник, поэт и живописец, артист-чтец и радиожурналист, писатель и публицист. Но вот сейчас, когда нас уже разделяет некоторая временная дистанция, вдруг отчетливо стало видно даже не столь важно, кем Магалиф был в большей степени: Артистом, Поэтом или Сказочником. Ясно одно: во всех этих ипостасях он выступает как Мастер, который всегда, всем своим творчеством, нес людям идеалы высокого искусства, идеи добра и гуманизма.

Юрий Михайлович Магалиф стал одним из немногих писателей, которые прославили Новосибирск своим литературным именем, публикуясь здесь, вдалеке от столицы, при этом в его творчестве нет никакого следа провинциализма.

Его имя связано с историей культуры нашего города с именами других деятелей, которые формировали его культурную ауру на протяжении более полувека: выдающейся поэтессы Елизаветы Константиновны Стюарт, которую Магалиф называл своим Учителем в литературном деле, самобытного художника Николая Демьяновича Грицкока, с которым его связывала большая дружба, знаменитого геолога Геннадия Львовича Поселова, прославленного дирижера Арнольда Михайловича Каца...

[Судьба ленинградца в Сибири](#)
[Биография в фотографиях](#)
[Сказки Юрия Магалифа](#)
[Сказки Юрия Магалифа в книжной иллюстрации](#)
[Юрий Магалиф - художник](#)

ЧИТАЕМ КНИГИ Ю. М. МАГАЛИФА ONLINE

ЮРИЙ МАГАЛИФ "ПЛА... ЮРИЙ МАГАЛИФ "ГЕН... ЮРИЙ МАГАЛИФ "ПОЗ... ЮРИЙ МАГАЛИФ "ВОЛ... ЮРИЙ МАГАЛИФ "СКА... ЮРИЙ МАГАЛИФ СБОР... Юрий МАГАЛИФ "ПРИК... Юрий МАГАЛИФ "ПРИК...

А теперь подробнее поговорим о творчестве писателя, обращенном к детям. Прежде всего, для удобства перечислим сказки в порядке их появления на свет:

- 1957 год – «Приключения Жакони»;
- 1960 год – «Бибишка – Славный Дружок»;
- 1968 год – «Типтик, или Приключения одного мальчика, великолепной Бабушки и говорящего Ворона»;
- 1981 год – «Кот Котькин»;
- 1988 год – «Успех-травка»;
- 1991 год – «Волшебный рожок, или Приключения Городовичка»;
- 1996 год – «Генерал Картошкин и его подвиги»;
- 2000 год – «Мой любимый Бука» и «Деревянная кошка».

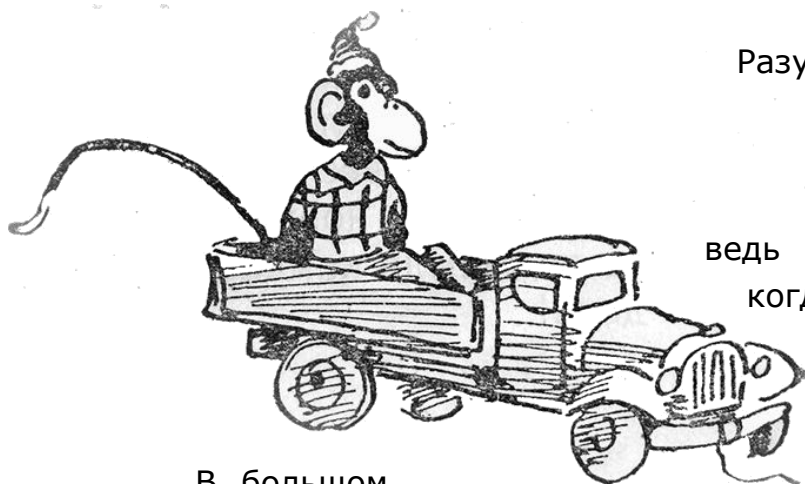
Кроме этих сказочных повестей, перу Юрия Магалифа принадлежат еще несколько коротеньких сказочных новелл, за исключением «Интересного мальчика» и «Маленького богатства» входящих в качестве вставных рассказов в большие сказки.

Сохраним хронологический порядок и во время знакомства с каждой из названных повестей.

«**Приключения Жакони**» Юрий Магалиф «подарил» малышам в 1957 году. Он тогда лишь пробовал перо, а работал на радио, где слушатели попросили его, известного чтеца, прочитать сказку. И Магалиф прочитал – но не чужую, а собственную, написанную специально для этого случая. Самодельная тряпичная игрушка, принадлежавшая его жене, как счастливый талисман, подарила никому не известному провинциальному автору всенародный успех, переиздавалась затем множество раз, иллюстрировалась лучшими художниками страны и даже

дала имя малой планете, которая, конечно же, и сегодня неустанно носится по космосу. Натуральная обезьянка!

Разумеется, все вы знакомы с Жаконей, как знакомы с ним все ваши родители, дедушки, бабушки и даже прабабушки с прадедушками, ведь даже и прабабушкам приходилось когда-то читать хорошие книжки вслух своим маленьким детям.

В большом городе на западе страны (конечно, в Ленинграде – так тогда назывался Санкт-Петербург) жила-была счастливая семья: инженер папа, мама и мальчик, обожающий свою игрушечную обезьянку. Сначала, правда, у него была настоящая обезьяна, по имени Жако, которую подарил ему капитан дальнего плавания. Этот Жако был не просто шалун, а настоящий безобразник, но мальчик все равно очень его любил. Когда Жако пришлось отдать дрессировщику Дурову, мальчик очень скучал и даже плакал, и тогда мама сшила ему из меха, фланели и сукна маленькую обезьянку, как две капли воды похожую на Жако. И вот с этим Жако не только мальчик, но и вся семья стала неразлучна, а потому и звала его теперь ласкательным именем Жаконя - «чисто по-русски», как пишет автор.

Послевоенные пятидесятые в стране были годами огромного массового энтузиазма: в далекой Сибири строились города, распахивались целинные земли, восстанавливалось народное хозяйство. Папу направили в такой молодой сибирский город (конечно же, в Новосибирск) расширять автохозяйство. Первое время, пока не построен дом, где семье дадут квартиру, он должен был жить один, в доме у местной старушки. И вот, чтобы папе не было очень уж тоскливо без мамы и мальчика, сын подарил ему своего Жаконю. Так они и уехали вдвоем, папа и Жаконя. А на новом месте игрушечная обезьянка встретила много друзей и врагов, испытала множество самых разных приключений, увидела, как трудно и радостно живут люди, не боящиеся ни сорокаградусных морозов, ни тяжелого труда от зари до зари.

Я думаю, что пересказывать сюжет сказки не следует, ведь она давно стала классикой и, значит, известна всем. Да и неблагоприятное это занятие - лучше автора все равно не расскажешь. Стоит сказать о другом. Как она родилась, мы уже упоминали, а вот какова ее

литературная родословная? Известно ведь, что вопреки заклинаниям адептов соцреализма, литературу порождает не столько жизнь, сколько сама литература. Было ли что-то в литературе, что в той или иной мере отразилось в замечательной и совершенно самостоятельной сказке новосибирского сказочника, получившего воспитание в петербургской культуре?

Разумеется, было. Были блистательные рассказы Бориса Житкова, косвенная связь с которыми в «Жаконе» чувствуется, была общая для детских писателей той эпохи ориентация на ленинградскую литературную школу Маршака. Был, наконец, рассказ Михаила Зощенко «Приключения обезьяны», опубликованный в 1945 году (последний, кстати, появившийся в периодике рассказ великого сатирика) и спустя несколько лет ставший формальной причиной

унижения и опалы Михаила Михайловича. «Приключения обезьяны» - рассказ, может, и не самый лучший у сатирика, но типично зощенковский, несомненно, отразивший жизнь страны с ее непарадной стороны.

Я думаю, друзья мои, что «Приключения Жакони» - это поклон начинающего писателя, бывшего ленинградца, великому ленинградскому писателю, затравленному властями и уходящему из жизни. Зощенко умер через год после выхода в свет «Жакони». Тоже символично, как и многое в судьбе Юрия Магалифа, родившегося в день расстрела царской семьи. Разумеется, Юрий Михайлович не рассказывал об этом - он вообще был скромный человек, да к тому же пострадавший от той же власти в юности. А вслух обсуждать ее неблагоприятные деяния по отношению к собственным гражданам даже в 50-х было еще опасно. Особенно в провинции. И особенно писателю.

Может быть, потому, что легко могли бы найтись в нашем городе (как и во всех других городах СССР) стукачи-доброхоты, указавшие бы вечно бдящим органам безопасности на факт некоторого сходства, пусть не сюжетов, на самой идеи приключений обезьяны в советской стране, и тем самым вторично сломавшие бы жизнь автору,

следующая сказка Юрия Магалифа «**Бибишка – Славный Дружок**», при всей своей сказочности, по сути является реалистической новеллой о героических советских тружениках. Здесь тоже рассказана жизнь неодушевленного предмета, обретающего эту самую душу в процессе приспособления к жизни человека и общества, мало того, проявляющего присущий общественной жизни страны энтузиазм и трудовой героизм и отдающего подвигу самое жизнь.

Воистину, всё в судьбе Магалифа символично. У грузовичка Бибишки от перегрузок сначала трескается, а потом и останавливается его «сердце» - мотор. Автор же под конец жизни подолгу и не слишком успешно лечился в кардиологической клинике.

Что же до литературной родословной «Славного Дружка», она не так отчетливо вырисовывается, как в случае «Жакони», но вспомните, как много написано детских книжек о трудовом энтузиазме, о мастерах своего дела, взять хоть стихи итальянского коммуниста Джанни Родари, хоть советскую детскую прозу во всем ее многообразии. Отличие книжки Ю. Магалифа в том, что это не только агитка, но в гораздо большей мере именно сказка, и сказка очень хорошая, трепетная, человечная, живая до сих пор, да что там – думаю, до тех пор, пока на свете будет жить хоть один мальчик, ведь именно для мальчиков она и написана, поскольку именно мальчики и играют с разного рода машинками, зачастую до самой старости.

Обе ранние сказки Юрия Магалифа очень хороши: кратки, содержательны, с четко прописанными характерами и ясным смыслом. В первой герой, набив себе шишек, разбирается, кто друг, кто недруг и в чем смысл его существования, в чем заключается его труд – радовать сердца людей, помогать им жить и трудиться. Во второй автор идет глубже и приводит героя к осмыслению самого великого подвига: отдать свою жизнь во имя труда и благополучия ближних.

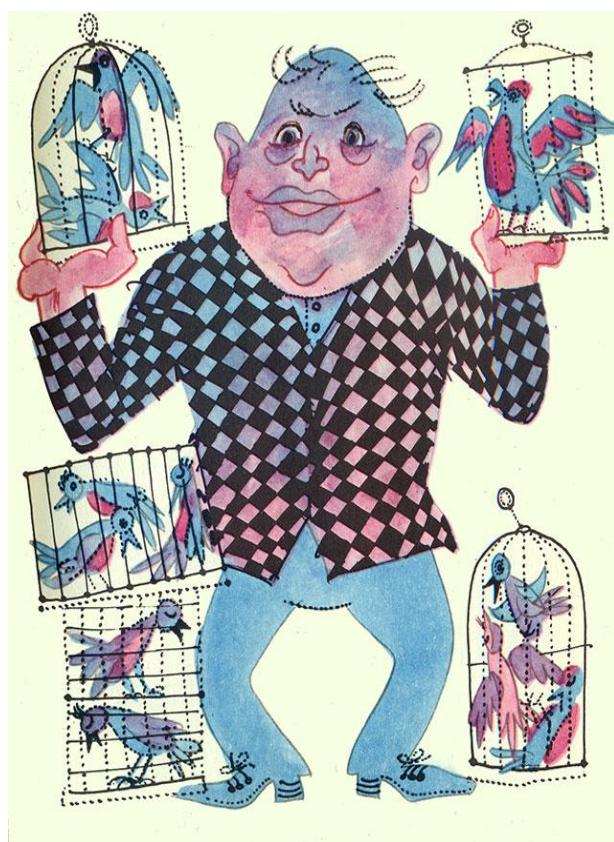
Третья сказка Юрия Магалифа, «Типтик», кажется мне наименее интересной из всех его детских вещей. Может быть, потому что она наименее сказочна, может быть, потому что не столь лапидарна, как предыдущие, может быть, потому что героями ее выведены уже не игрушки, а люди, но, скорее всего, потому, что эпоха, которую автор воспевал в прежних работах, дала трещину, и он еще не успел изменения полностью осмыслить.

У «Типтика», как мне представляется, есть два основных литературных источника. Это сказки Юрия Олеши «Три толстяка» и Юрия Томина «Шёл по городу волшебник».

Со сказкой Олеши повесть Магалифа связывает начало приключений Типтика, с книжкой Томина общая аура и элементы жанра антиутопии. У Томина антиутопический мир создает с помощью волшебных спичек герой, у Магалифа – антигерой, посредством украденной им картины погибшего художника. Смысл обеих сказок вот в чем. Создавая собственный дивный новый мир, человек, желая того или не желая, должен заботиться прежде всего не о себе, а о тех, кто будет в этом мире жить. Если же он думает только о собственном благе, тогда он уже не творец, а тиран.

И у Томина, и у Магалифа тирании так или иначе приходит конец, добро побеждает, хэппи-энд вроде бы торжествует, однако у читателя остается – и не может не оставаться! – некая тревога за будущее. Собственно, такова история всех литературных утопий: они либо содержат внутри себя зерно антиутопии, либо настоятельно требуют от автора переосмысления и продолжения. Наиболее ярко ситуация отражена в дилогии великого ученого и не менее великого писателя-фантаста Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка», о чем мы в свое время уже говорили.

Но ведь рассуждая о литературе, мы не должны забывать, что, происходя по большей части из литературы же, она все же имеет, как и все живое, двух родителей. И второй ее родитель – жизнь – неизменно предлагает ей для осмысления всё новые и новые свои эксперименты. Что являл собой XX век нашей эры, как не огромный, всепланетный эксперимент, начатый русской революцией? И чем этот эксперимент обернулся? А ведь хотели как лучше, ведь умнейшие люди полтора ста лет призывали к переменам!..

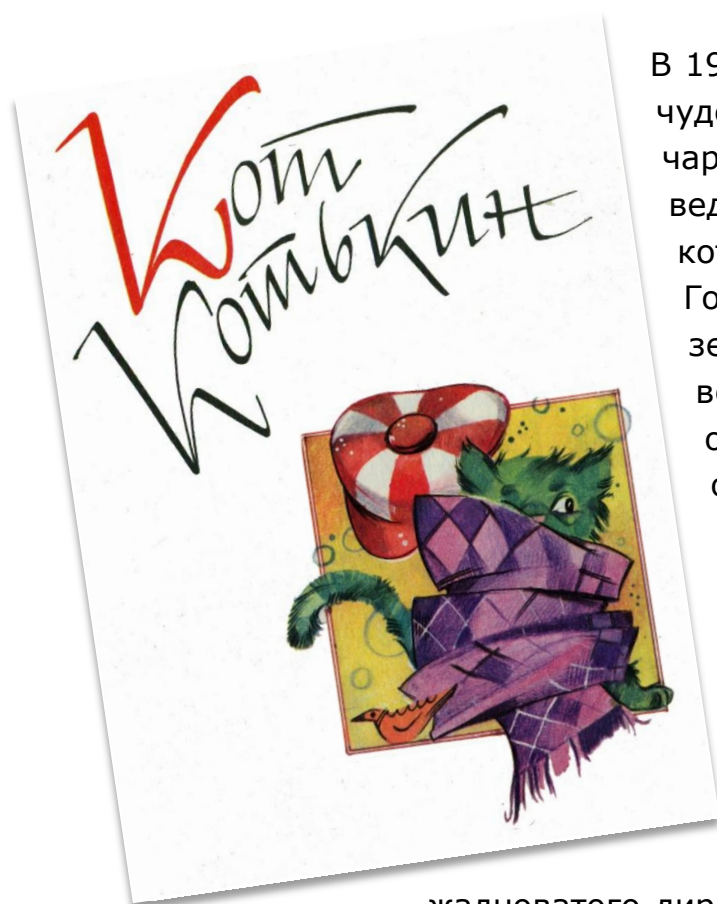
Связь «Типтика» с «Тремя толстяками» менее очевидна, она требует более тонкого анализа, но существует несомненно. Наиболее отчетливо она обнаруживается, когда начинаешь размышлять о картине погибшего художника, с которой печатает свои негативы антигерой. Ну и сам он, низкорослый толстяк в котелке – тоже ведь негатив с тройного портрета в сказке Юрия Олеши. А главное, конечно, аура сказочного города, который предстоит разрушить Типтику, говорящему Ворону и великолепной, но, честно сказать, не слишком внятно прописанной бабушке. Аура города трех толстяков, отразившаяся во многих и многих советских сказках, взять хоть «Город мастеров» Тамары Габбе.

Негативные города, твердыни зла и прочие логова кощеев должны быть разрушены, колдовские чары должны быть сняты. Все это, конечно, происходит и в сказке Юрия Магалифа, но несколько неотчетливо.

Остаются оборванными иные линии судеб, победители просто выходят сухими из воды, ничего, в сущности, не вынося из странного своего квеста...

Вероятно, автору не хватило простора в небольшом объеме повести, а расширить ее границы он отчего-то не решился.

Говорят, что существовало несколько версий сказки, и это свидетельствует о том, что сам Юрий Михайлович не был до конца удовлетворен своей работой. Не слишком удовлетворены ей и мы, но, к чести сказочника, уверенно можем сказать, что это едва ли не единственная его неудача. Почему «едва ли» - узнаем в свое время.

В 1981 году увидел свет **«Кот Котыкин»** - чудесная сказка о добром клоуне, чародейном профессоре, самовлюбленной ведьме и очаровательном говорящем коте зеленого цвета.

Говорящих котов на свете много, но вот зеленых говорящих котов вы, скорее всего, никогда не встречали. Если так, обязательно прочитайте «Котыкина» - он и впрямь в своем роде единственный.

Там, понимаете ли, ведьма Цапа Цопик, то ли девчонка с электрогитарой, то ли старая Бастинда на каблучках, возмечтала уничтожить жизнь на Земле, начав с Новосибирска и окрестных деревень. Но, хоть и покорила

жадноватого директора цирка, жестоко просчиталась в своих планах, потому что встретила противодействие добрых людей и зверей, к тому же связанных между собой настоящей дружбой.

Что вспоминается, когда читаешь эту сказку? Столь многое, что всего и не перечислишь. Ну, конечно, прежде всего коты, коих в литературе – от Пушкина и до наших дней несчетное множество. Вот, например, булгаковский Бегемот, или говорящий кот Полуэкт из сказки для взрослых братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Спросите, а что в них – Бегемоте, Полуэкте и Котыкине общего, кроме способности разговаривать? Как что? Шкодливость, веселая мудрость,

понимание закрытых для человека тайн мироздания, взрослая детскость, или, наоборот, детская взрослость и нежелание служить злу, хотя, казалось бы, состоять при ведьмах – это ли не высшее отличие для маленького тигра...

Кто прячется за личиной Цапы Цопик? Впрямь ли волковская Бастинда или древняя Баба Яга с лопатой, на которую вот-вот посадит кого-нибудь непослушного мальчишку, чтобы сунуть его в печь и приготовить на ужин? А может быть, какая-нибудь новомодная Земфира, а может, сам его величество тяжелый рок, в грохоте которого тогда, когда писалась сказка, многим казалось, погибли бедные Моцарт, Шопен и Чайковский? Казалось так, конечно, напрасно, но Цапы ведь тоже бессмертны, и продолжают придумывать все новые и новые каверзы и сегодня...

Ну, не будем о грустном. Ведь в «Коте Котыкине» есть и примеры для подражания. Вот, скажем, профессор чародейства – прямо-таки булгаковский персонаж (из «Собачьего сердца» или «Роковых яиц», или же его двоюродный брат. А вот добрый клоун Жура, умеющий и рассмешить, и покорить публику дивной грустной мелодией, сыгранной на свистульке. Постарайтесь вспомнить самостоятельно, где вы встречали таких клоунов, в любой момент готовых кинуться на помощь попавшим в беду друзьям. Я же подскажу вам только имя Виктора Драгунского, рассказавшего о замечательном клоуне в повести «Сегодня и ежедневно», и напомню, что, подобно Драгунскому, некоторое время своей жизни с цирком непосредственно был связан и Юрий Михайлович Магалиф.

Следующая сказка, **«Успех-трава»**, была опубликована в 1988 году. Начинаясь новая эпоха в российской и мировой истории. Школа, однако же, еще оставалась прежней, как и жизнь в глубинке. Вот этот период межвременья, когда энтузиазм строителей коммунизма окончательно выветрился из наших голов, а новый энтузиазм его ломателей еще не поднял гордо голову, отчетливо изображен в «Успех-траве». Конечно же, на примере школы, на примере тех, кому придется жить в новую эпоху.

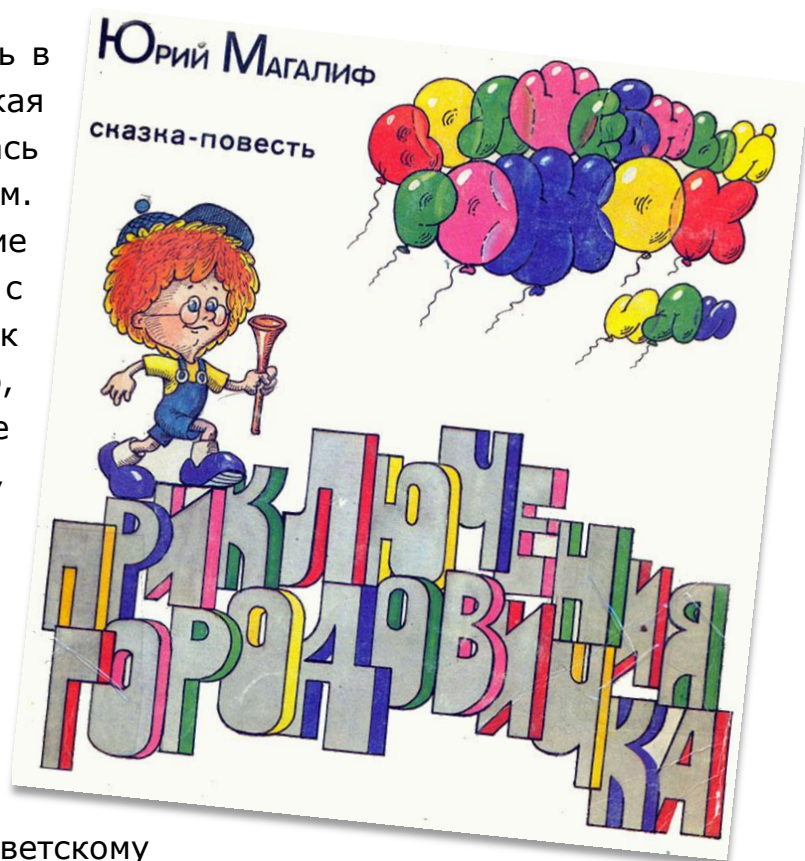
Какие они, эти дети? Ну, какие... Не плохие, способные и схитрить ради собственной выгоды, и пожертвовать своим благом ради ближнего. Они, как и страна, колеблются на чашках весов: что перевесит – добро или зло... А тут еще и героиню-троечницу подстерегает искушение. Добросердечная учительница, подобрав на улице промокшую под дождем Кикимору, заселяет ее в родной школе, в старом разбитом пианино, что стоит без дела в актовом зале. А ведь кикиморы – они же, пусть и не шибко злобная, но все же нечисть, то есть без проказ не могут.

Так вот, дает Кикимора девочке-троечнице три разноцветных травинки – по одной на каждое желание. Ничего не вспоминается? Конечно, «Цветик-Семицветик» Валентина Петровича Катаева. И ровно, как в катаевской сказке, все желания героини проходят, по глупости ее, как-то попусту, кроме последнего. Впрочем, вовсе ли попусту? Кое-что героини сказок Катаева и Магалифа для себя все-таки извлекают? Что именно? Понимание того, что так жить, как они жили до этого, нельзя. Как, собственно, и вся страна в конце 80-х осознала, что так, как она жила предыдущие семьдесят лет, жить нельзя.

И последний лепесток, последняя травинка героинями используется правильно – в помощь ближнему. Вот этот отказ от удовлетворения собственного удовольствия, не говоря уж о той радости, которую приносит исполнение последнего желания, собственно, и есть главная мысль сказок, их сверхзадача, заключающаяся в простой мысли: пожертвуй любовью к самому себе, и ты обретешь любовь других к тебе. И мир вокруг тебя станет чуточку лучше!

Кстати, не напоминает ли вам что-нибудь исполнение самого первого желания магалифовской героини, когда она ни с того, ни с сего обрела ужасную физическую силу и подняла штангу, с которой мог справиться только чемпион города по тяжелой атлетике, готовившийся к этому рекорду всю жизнь? Ага, вспомнили, конечно, вспомнили книжку Евгения Велтистова «Приключения Электроника» и ее экранизацию! Действительно, в том же 1988 году вышло продолжение любимейшей сказки 60-х и фильма, приковавшего к экранам ребятишек и взрослых в самом конце 70-х. Юрий Магалиф, разумеется, тоже и читал и смотрел сказки Велтистова, и, думается, в этом эпизоде «Успех-травы» передал Евгению Серафимовичу писательский привет, тем самым вписав новую яркую главу в историю советской детской литературы.

Следующая сказка появилась в 1991 году, когда советская власть окончательно скрылась за историческим занавесом. Прощались с ней советские писатели по-разному. Иные с горьким сожалением, как Евгений Евтушенко, написавший длинное стихотворение «Прощай, наш красный флаг!», иные безоглядно радуясь (чтобы потом перестроиться вновь и проклинать уже новые порядки). Рухнули цензурные, а с ними, как ни жаль последнего, и редакторские институции, советскому

читателю открылись огромные залежи запрещенных и нежелательных для прежних властей книг. Нам открылось творчество русского зарубежья, запретные ранее тексты, созданные в метрополии, к нам пришли нежелательные прежде для властей книги Дж.Р.Р. Толкина и Р. Желязны, многих и многих других замечательных писателей. Фантастика, детективы, ужастики, сказки – хорошие и плохие – без разбору проглатывались и, чаще всего, тонули в памяти бесследно.

Среди всего этого безудержья читатель зачастую не успевал уследить за хорошими книгами, разве что за любимыми авторами. Но и они вынуждены были несколько опустить планку. Упали тиражи, один за другим умирали или уходили в тень толстые журналы, возникали, как грибы после дождя, новые правила игры, новые институты и новые праздники.

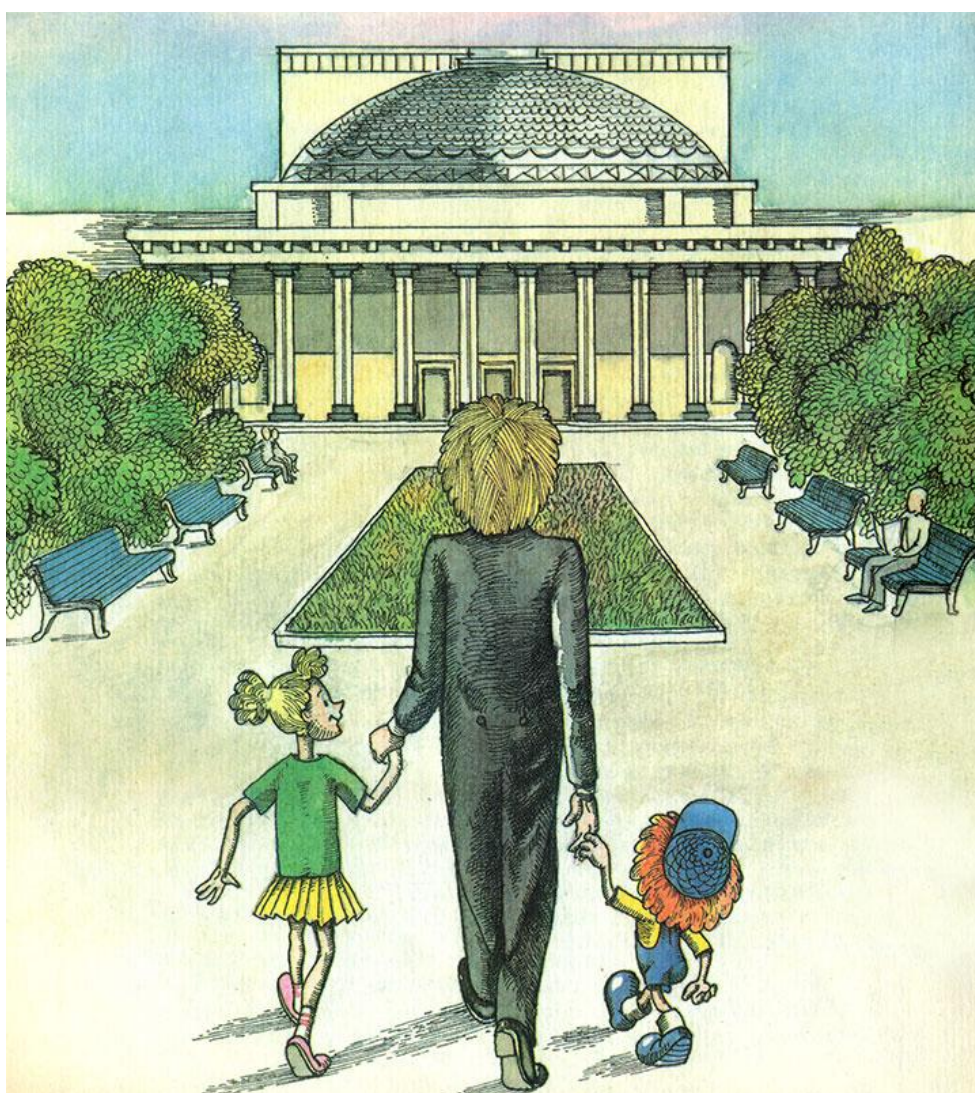
К числу последних относится и День города, о котором ранее мы и не слыхивали, исключая разве что глобальные юбилеи наших столиц. К столетию Новосибирска начали готовиться заранее. Среди прочего была придумана символическая игрушка – Городовичок, по образцу забавных зверьков и человечков, в качестве эмблем украшавших спортивные игры. Лично мне эта придумка никогда не казалась ни талантливой, ни оригинальной. Думаю, что если бы организаторам не удалось уговорить Юрия Магалифа написать повесть про приключения этой эмблемки,

вероятнее всего, она и вовсе не прижилась бы, канув в Лету по окончании юбилейных торжеств.

Но Магалиф написал свою сказку, написал талантливо и по-своему, не во всем пойдя навстречу желаниям заказчиков. «**Волшебный рожок**» - совершенно магалифовская история, добрая, исполненная приключений и чудес, происходящих, правда, не оттого, что автор забавно и оригинально использует вечные образы Мальчика-с-пальчик или лагерлёфовского Нильса, а потому, что довольно правдиво изображает эйфорию утратившего контроль и самоконтроль общества.

В этой сказке, как ни в какой другой, Юрий Магалиф разглядывает периферию трезво и беспристрастно, смотрит на нас ироничными глазами большого художника и старого мудреца. При чтении, конечно, вновь вспоминается Зощенко, но «Приключения Городовичка» - не сатира, а скорее - улыбка печальных старческих глаз.

Книжка, как уже было сказано, написана на заказ, чувствуется, как автор торопится, а герой чересчур суетится.

Нет, всепобеждающего магалифовского добродушия «Городовичок» не лишен, но лучшим его сказкам уступает. Спасаящий Новосибирск, а вместе с ним и мир от задымления, которое напускает на нас злой колдун Дымокур (читай – автомобилисты, заполонившие страну миллионами забугорных подержанных машин в дополнение к прочим экологическим бедам), герой ее больше похож на заполошного Буратино, нежели на постигающего законы жизни Нильса, окружение же в бессмысленном броуновском движении напоминает белку в колесе. Куда бежим, откуда, зачем?..

Всё это ещё подчеркивается музыкально-исторической темой, в которой спокойная и раздумчивая старина противопоставляется суетности новых времен.

И нельзя не сказать об очень ярких, симпатичных иллюстрациях художников А. Таирова и Л. Трещевой, придумавших визуальный образ главного героя. Собственно, все сказки этого писателя иллюстрировались замечательно, вне зависимости от издания, от того даже, черно-белыми или цветными картинками. Он, Маг-Алиф, как сам себя в шутку называл, кажется, притягивал к себе талантливых рисовальщиков, как притягивает и сегодня одаренных в этом плане детей. И коль скоро мы упомянули иллюстраторов, не забудем поблагодарить от всех читателей главного художника сказок Юрия Магалифа, Любовь Павловну Лазареву – как представляется, истинного его соавтора.

Следующая, самая большая по объему сказка называется **«Генерал Картошкин и его подвиги»**, хотя сборник, который она открывает, носит название **«Приключения и подвиги генерала Картошкина»** (помимо заглавной в него входят «Успех-трава» и «Кот Котькин»). Название сборника отсылает опытного читателя к известному циклу авантурных повестей Артура Конан-Дойла «Приключения и подвиги бригадира Жерара». Чья это была забава – автора или редакторов – не знаю, но отсылка точная, поскольку и книжка отца Шерлока Холмса, и книжка папы Жакони – это своего рода мюнхгаузениады.

Впрочем, литературных отсылок в «Картошкине» больше, чем в любой другой книжке Магалифа. Самая главная и при этом самая неявная – к «Доктору Айболиту» Корнея Чуковского, пусть Картошкин и не врач, а

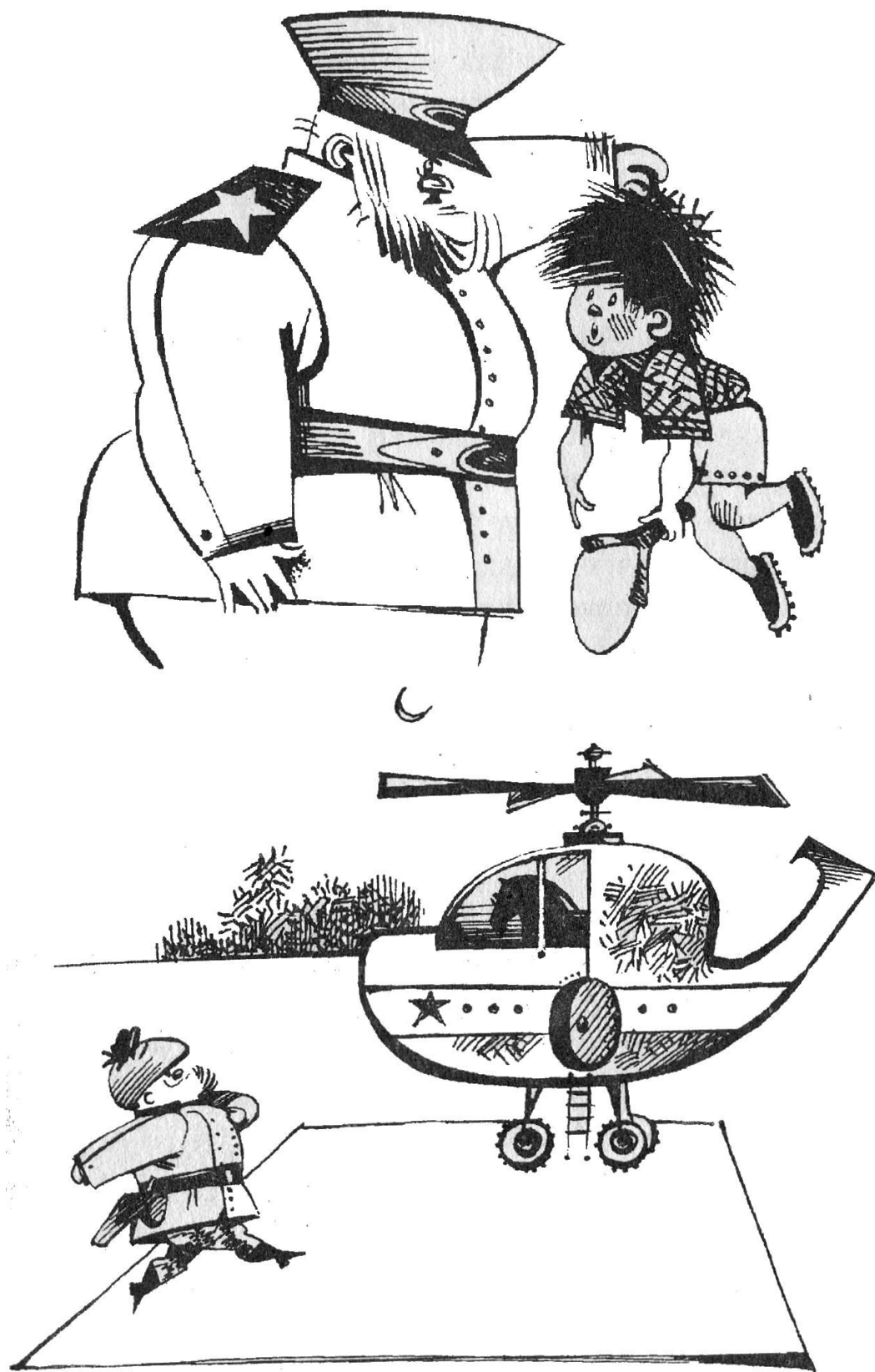
генерал. Действия же этого милого толстяка с двойным животом (живот-то, конечно один, но, будучи перетянут широким ремнем, кажется двойным) ничуть не военные, а вот лечебные – точно. Он, больше всего любящий поваляться дома на кровати, но постоянно находящийся в пути, лечит плохих испугом, строгостью, изредка – борцовскими и боксерскими приемами, а хороших – любовью, добротой, заботой и подарками. Кроме того, при нечастом общении с подчиненными, Картошкин явно пародирует генерала из чрезвычайно популярной в то время кинокомедии А. Рогожкина «Особенности национальной охоты». Эта культурная отсылка просто бросается в глаза тем, кто картину видел.

Повесть состоит из двух частей. В первой действие происходит в Новосибирске и рассказывает про соседок Картошкина, которых он спасает от разных напастей. Во второй – браво́ый генерал вылетает в сибирскую тайгу, где некая колдунья украла малыша, которого, натурально, надо спасти и вернуть друзьям. Приключения забавны, и опять же отсылают к известным литературным и кинематографическим произведениям. Так, сама ситуация с северной

колдуньей и малышом Уксумуком, который, подобно андерсеновскому Каю, забывает все на свете, когда в доме колдуньи впервые в жизни получает возможность поиграть в компьютерную стрелялку, отсылает нас к «Снежной королеве», а встреча с ее подручными – не то артистами, не то бандитами, намекает и на «Бременских музыкантов», и на фильм Ролана Быкова «Айболит-66». Культурных привязок, как я уже сказал, в «Картошкине» множество, так что читать книжку – чистое удовольствие, как участвовать в интересной викторине. А кроме того, она и в сюжетном плане головокружительно интересна. Не говоря уж о писательском

мастерстве Юрия Магалифа, которое в поздних сказках достигает истинного волшебства, сплетая в нерасторжимое целое лирику и авантюру. Автор как бы говорит: что есть любовь, как не спасение мира, а спасти мир – значит помочь ближнему.

Таковы и последние сказки – «Мой любимый Бука» и «Деревянная кошка», написанные уже старым человеком, чья душа оставалась юной, а больное сердце, кажется, продолжало биться только потому, что его поддерживала любовь.

Обе эти сказки – о любви, безнадежной, даже если и разделенной, невозможной, но все же окрыляющей. В сказке **«Мой любимый Бука»** – самой лучшей, на мой вкус, у Магалифа – на равных правах действуют, любят и страдают и люди, и игрушки. Она очень андерсеновская по духу и гофмановская по ауре. Это так и должно быть: любая рождественская сказка вот уже двести лет так или иначе вращается вокруг идеального образца, заданного немецким романтиком Эрнстом Теодором Амадеем Гофманом в «Щелкунчике». В России же «Щелкунчик» после появления балета Петра Ильича Чайковского и вовсе не воспринимается иноземной вещью. Ну а Ханс Кристиан Андерсен – родной дедушка всем детям во всех христианских странах.

Мой любимый Бука

Когда закрывается на ночь игрушечный магазин «У Митрофана», и люди уходят спать, просыпаются игрушки и ведут беседы, влюбляются, ссорятся – точно, как мы. Когда магазин открывается, игрушки, не договорив, не долюбив, не выяснив до конца отношений, умолкают. Но и люди, и игрушки во время этих вынужденных перерывов не выключаются, а продолжают думать, чувствовать, страдать. В сказке они составляют единое сказочно-реальное общество – волшебный предрождественский мир, имеющий своих создателей, попечителей,

которые и сами имеют своего создателя. Впрочем, эта линия тянется и дальше, ведь и у создателя – сказочника тоже есть Создатель, что не проговаривается в сказке, но прочитывается как между строк.

Сам же хозяин игрушечного магазина, Митрофан - очевидный двойник автора, его лирический герой, может быть, самый главный во всей сказочной библиотеке, созданной Юрием Магалифом. Время от времени он так или иначе возникает на страницах разных сказок, а здесь является и рассказчиком, и действующим лицом, и волшебником, и самым страдающим персонажем. Потому, что прощается с нами. И потому, что, делая счастливыми ближних, сам этого простого, человеческого счастья не достигает.

Последнее и, быть может, самое важное волшебство, волшебнику не дается.

Но и это тоже счастье, только горькое, со слезами на ресницах, ведь, если вдуматься, если вчитаться во все-все-все сказки Юрия

Михайловича Магалифа, то станет понятным их самая главная, вместе простая и сложная мысль: счастлив может быть лишь тот, кто дарит счастье ближним, даже если для этого дарящему приходится пожертвовать собственным счастьем и даже собственной жизнью. А если сказать проще и короче, то так: дарите радость людям, чего бы вам это ни стоило!

Не в том ли заключена и тайна, и самая главная задача писателя, тем более детского и тем более сказочника?..

Сказанное еще раз подтверждает «его прощальный поклон» (по слову Артура Конан-Дойла) - «**Деревянная кошка**», написанная в кардиологической больнице. Здесь рассказывается о собаке, полюбившей старую, никому не нужную деревянную игрушку-кошку; о злоключениях этой кошки, попавшей в лапы зловредных уличных котов, а затем в клюв не менее злобной вороны; о бесстрашном сердце маленького преданного песика, бросающегося в огонь и в воду, чтобы спасти свою любовь...

Деревянная кошка

Андерсеновские мотивы перекрещиваются в последней сказке писателя с его собственными, магалифовскими мотивами (вспомним хитрых котов-бездельников, раз за разом подставляющих доверчивого Жаконю в сибирской избе или сороку, утачившую его в свое гнездо). Творческий путь сказочника как бы замыкается в волшебное кольцо, где уже невозможно различить начало и конец, ведь и в самом деле – писатель уходит, а жизнь продолжается. Сказка же и вовсе бесконечна, хотя бы уже потому, что те, для кого она создается, возвращаются к ней много-много раз. И возвращают к ней нас.

Виктор Распопин

<http://raspopin.den-za-dnem.ru/>